

**«ВЕСЬ ПСКОВ» И «МУЖИ ПСКОВИЧИ»: К ВОПРОСУ
ОБ УЧАСТИИ НЕПРИВИЛЕГИРОВАННОГО НАСЕЛЕНИЯ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ВЕЧЕВЫХ ГОРОДОВ¹**

Одним из историографических споров, неизменно сопровождающих изучение социально-политического быта средневековых Новгорода и Пскова, является проблема элитарности или же, напротив, эгалитарности характера власти в этих городах в период, предшествующий их вхождению в состав Московского государства. На первый план в решении этого вопроса выходила, как правило, проблематика вече: насколько узким или, напротив, широким был состав его участников, какие полномочия вече имело. По крайней мере, на псковском материале такой подход не представляется перспективным. Понятие «вече» фиксируется в псковских источниках (как нарративных, так и документальных) сравнительно поздно – с середины XV века, кроме того, в источниках с грамматической точки зрения «вече» никогда не выступает как субъект, а только в качестве обстоятельства места или образа действия². Представляется, что, выйдя за пределы вечевой проблематики, можно по-другому посмотреть на вопрос о степени участия непривилегированных псковичей в управлении Псковской землей. Для этого необходимо рассмотреть ключевые политические понятия псковских источников – «весь Псков» и «мужи псковичи».

Понятия, вынесенные в заглавие статьи, синонимичны. Это легко увидеть на материале источников как нарративного, так и документального характера. Они зачастую чередуются даже в рамках одного документа. Так, например, в договорной грамоте Пскова с Ливонским орденом 1417 г. читаем: «...нас послали наши власти, посадник псковский и весь Псков³... не помогать... против нас псковичей»⁴. В грамоте Пскова царю Ивану Васильевичу 1477 г. идут следующие слова: «...великому князю Ивану Васильевичу, царю всея Руси, посадники псковские степенные, и старые посадники, и сынове посадничьи, и бояре, и купцы, и

¹ Настоящая публикация была бы невозможна без поддержки центра Res Publica Европейского Университета в Санкт-Петербурге.

² Подробнее о «вече» в псковских источниках см.: *Вовин А. А.* Датировка жалованной грамоты Пскова Якову Голутиновичу // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. М., 2014. Вып. 2 (56). С. 75-82.

³ Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М., 1949 (далее – ГВНП). С. 318.

⁴ Там же. С. 320.

жители люди, весь Псков, челом бьем... добровольные люди, весь Псков челом бьем»⁵.

«Добровольные люди» – формулировка, часто встречающаяся в псковском летописании, начиная со второй половины XV века. Она использовалась, как правило, при описании отношений Пскова с московскими князьями: «...о печаловании своєю отчины, мужей псковичей, добровольных людей»⁶. Из последнего примера видно, что под добровольными людьми подразумеваются именно «мужи псковичи». Поскольку «отчиной» не могут быть люди, следовательно, в вышеприведенном отрывке «мужи псковичи» используются в значении «весь Псков». Известный нам по летописям (и не только) рефрен «отчина великого князя, Псков» и служит тому дополнительным подтверждением.

Параллельное чтение псковских летописей дает аргумент в пользу такой синонимичности. Ниже помещен пример, который демонстрирует общую закономерность.

Таблица 1

Псковская 1 летопись (Далее – П1)	Псковская 2 летопись (Далее – П2)	Псковская 3 летопись (Далее – П3)
Князь Григорий Остафьевич и Захария посадник и вси мужи псковичи оучишиша новую стену... ⁷	Князь Григорий Остафьевич и Захария посадник и весь Псков заложившее стену... ⁸	Князь Иван Ондреевич и князь Григорий Остафьевич и посадник Захария Короминич и псковичи поставиша стену... ⁹

Итак, выражения «(весь) (господин) (великий) Псков» и «(все) (мужи) псковичи» – синонимы. Разумеется, можно отметить некоторые особенности употребления того или иного варианта в зависимости от характера источника. Если в летописании они используются в соотношении примерно 50/50, то в псковских актах преобладает все же первый вариант «весь Псков», что, вероятно, позволяет считать его чуть более официальным.

Здесь стоит вернуться к мысли, высказанной эскизно в другой статье: анализ формуляров псковских официальных актов может приоткрыть завесу над эволюцией социально-политического устройства Пскова¹⁰. К подобному анализу уже прибегал Ю. Г. Алексеев, анализи-

⁵ ГВНП. С. 324.

⁶ См., например: Псковские летописи. Л. 1941. Вып. I (далее – ПЛ. Вып. I). С. 58.

⁷ ПЛ. Вып. I. С. 26.

⁸ Псковские летописи. Л., 1950. Выпуск II (далее – ПЛ. Вып. II). С. 30.

⁹ Там же. С. 108.

¹⁰ *Вовин А. А.* К вопросу о княжеской власти в Пскове XIV–XV вв. // Новгородский исторический сборник. Великий Новгород, 2013. Вып. 13 (23). С. 103–114.

руя социальное расслоение в Пскове на протяжении XIV–XV вв.¹¹ Рассмотрим акты в хронологическом порядке.

Грамота Пскова Риге (ГВНП № 332) (XIV в.) начинается словами: «От посадника Сидора, и от Рагуила, и отъ всех сотских, и отъ всех плесковиц»¹².

В купчей князя Скиргайло на землю (70–80-е годы XIV века) читается: «От посадника Юрья от сотских и от всех плесковиц»¹³.

В договоре Пскова с Ливонским орденом 1417 г. (ГВНП № 334) сказано: «Dar umme heft unsere herschaft uns utgesandt, de borgermeister von Pleskow und alle Plekowe (нас послали наши власти, псковский посадник и весь Псков)»¹⁴.

Грамота Пскова Колывани (1418–1419) начинается: «Ото князя Федора Олександровича и от посадника псковского Микоуле Павловича, от посадника псковского Федоса Феофиловича и ото всеихъ посадников псковских и ото всеихъ сочких и от всего Пскова»¹⁵.

В договорной грамоте Казимира с Псковом 1440 г. (ГВНП № 335) находим: «от всего Пскова»¹⁶.

В грамоте Пскова Риге 1462–1463 гг. (ГВНП № 336): «От княжа псковского Ивана Александровича и от посадника псковского степенного Максима Ларионовича и от всех посадников псковских и от бояр псковских и от купцов и от всего Пскова»¹⁷.

В грамоте Пскова Ивану III 1477 г. (ГВНП № 338): «...посадники псковские степенные и старые посадники и сыны посадничьи и бояре и купцы и житьи люди и весь Псков»¹⁸.

В грамоте королю Казимиру 1480 г. (ГВНП № 339): «Се урядиша господине князь псковский Василий Васильевич и вси посадники псковские и весь господине Псков»¹⁹.

Грамота Пскова Колывани 1486 г. содержит чтение: «От князя псковского Ярослава Васильевича, и от всех посадников псковских степенных и от всего Пскова...»²⁰.

В договоре Пскова с Ливонским орденом 1503 г. (ГВНП № 347): «Von dem fursten von Pleskaw Dimitre Volodimerewitz, von den borgermeistern to Pleskaw de oversten, von olden borgermeistern, und von alle

¹¹ Алексеев Ю. Г. Черные люди Великого Новгорода и Пскова // Исторические записки. М., 1979. Т. 103. С. 242–274.

¹² ГВНП. С. 317.

¹³ Марасинова Л. М. Новые псковские грамоты. М., 1966 (далее – НПП). С. 46.

¹⁴ ГВНП. С. 318.

¹⁵ Валк С. Н. Новые грамоты о новгородо-псковских отношениях с Прибалтикой в XV в. // Исторический архив. 1956. № 1. С. 234.

¹⁶ ГВНП. С. 321.

¹⁷ Там же. С. 323.

¹⁸ Там же. С. 324.

¹⁹ Там же. С. 325.

²⁰ Соколовский В., Белецкий С. В. Псковская грамота XV в. из археологических раскопок в Таллине // Псков в российской и европейской истории. Т. 1. М., 2003. С. 140.

grote Pleskaw (от князя псковского Дмитрия Владимировича, от степенных посадников, от старых посадников, и от всего великого Пскова)»²¹.

Отчетливо видна эволюция формуляра псковского акта. Если во второй половине XIV – начале XV в. он включал посадника(ов), сотских и псковичей (ГВНП № 332, НПГ № 1), то в дальнейшем он усложняется. Добавляется князь (первый раз в Грамоте Пскова Колывани 1418–1419 гг.), затем, начиная с середины XV в., в формуляр начинают включаться другие социальные группы, на которые делится теперь псковская община. Усложняются термины, связанные с посадничеством: появляются «степенные посадники», «старые посадники», «дети посадничьи»²². Общий вектор развития формуляра понятен: от простого к сложному. Наблюдаются удивительные хронологические параллели между появлением определенных понятий в формуляре актов и первым упоминанием тех же слов в летописях. Так, например, «жити люди» упоминаются и там (ГВНП № 338)²³, и там (ПЗ)²⁴ в первый раз в 70-е годы XV в., а «степенные посадники» в актах появляются с начала 60-х годов XV в. (ГВНП № 336)²⁵, а в летописях с 1436 г.²⁶ Разница в 20 лет, учитывая малое количество актов (только один за указанный промежуток) и особенности летописания как вида письменности, представляется несущественной. Летописные данные и акты дополняют друг друга, свидетельствуя, что перед нами не что иное, как картина эволюции структуры псковского общества и политических институтов, отражающаяся в изменении формуляра псковских актов и фиксируемых летописями «формулами власти»²⁷.

Важно отметить, что единственным элементом таких формул, который никогда не опускался, было именно выражение «весь Псков». Особенно показательны тексты псковских грамот. Так, например, договорная грамота Пскова с Ливонским орденом 1417 г. (ГВНП № 334), в которой рефреном повторяется формулировка «наши власти, посадник псковский и весь Псков», содержит также и краткую формулу «весь Псков». Именно со «всеим Псковом», а не с посадником, магистру и предлагалось заключить мир²⁸. Аналогичную картину мы наблюдаем и в грамоте псковского князя Василия Васильевича польскому королю Казимиру 1480 г. (ГВНП № 339). Ее заголовок содержит пространную формулировку «посадники псковские и весь Псков», ниже еще более

²¹ ГВНП. С. 331.

²² Подробнее о понятиях связанных с посадничеством см.: *Вовин А. А.* Посадничество в Пскове XIV–XV вв. // Электронный научно-образовательный журнал «История». М., 2012. Вып. 7(15) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://mes.igh.ru/s207987840000212-2-1>.

²³ ГВНП. С. 324.

²⁴ ПЛ. Вып. II. С. 204.

²⁵ ГВНП. С. 323.

²⁶ ПЛ. Вып. I. С. 43.

²⁷ Подробнее о «формулах власти» в псковских источниках см.: *Вовин А. А.* К вопросу о княжеской власти... С. 103–114.

²⁸ ГВНП. С. 318–319.

расширенную: «посадники псковские, и степенники, и старие посадники, и сынове посадничьи, и бояре, и соцкие, и купцы, и житьи люди, и весь Псков чолом бьет»²⁹. Однако, далее по тексту, магистр Ливонского ордена объявляется виноватым «перед Псковом». Следовательно, в псковских грамотах именно «весь Псков» (или «плесковичи»), а не псковский князь или посадник(и), выступает главным субъектом правоотношений, с ним заключают мир и орден и король. Князя же и посадники не упоминаются в данных текстах отдельно. Они являются представителями Пскова или выразителями его воли, включаются в расширенные формулировки, раскрывающие структуру власти в Пскове, но не являются его властителями, с которыми персонально мог бы быть заключен договор.

Статья 108 ПСГ («А которой строке пошлинной грамоты нет, и посадником доложить господина Пскова на вече, да тая строка написать. А которая строка в сей грамоте нелюба будет господину Пскову, ино та строка волна выписать вонь из грамот») ³⁰ устанавливает отчетность посадников перед «господином Псковом», а не перед вечем, как полагала И. О. Колосова³¹. Это прямо следует из формулировки «нелюба будет господину Пскову», тогда как вече упоминается в качестве необходимой процедуры легитимации³². Вероятно, это свидетельствует о том, что именно «весь Псков» в представлении самих псковичей, а также их современников являлся коллективным носителем власти.

Конечно, нужно различать представления о власти и сиюминутную политическую конъюнктуру. Можем ли мы утверждать, что псковичи могли самостоятельно, без участия князей и посадников принимать какие-либо решения? Думается, на поставленный вопрос мы можем дать утвердительный ответ. В известии П1 за 1343 г. находим описание похода в Ливонию под предводительством князей Ивана и Остафия и посадника Вододца. Когда псковичи возвращались с добычей, их догнала «погоня велика немецкая», и им пришлось принять бой. В первом столкновении погибли посадник Короман, Онтон, сын посадника Ильи, и «инех многих мужей псковичей». Затем, согласно летописи, несмотря на потери, псковичам удалось одержать верх. Еще в начале битвы, когда псковичи понесли существенные потери, некто «Руда поп Борисоглебский, Лошаков внук» бросил коня, оружие и доспехи и побежал с поля боя. Добравшись до Пскова, он поведал, что «всех пскович и изборян» перебили немцы. Псковичи сначала собирались отправить посла в Новгород за помощью, но потом «не поимше веры псковичи попове речи, не отпусая попа в Новгород, послаша оуведати на пско-

²⁹ ГВНП. С. 325.

³⁰ Псковская Судная грамота. Текст. Комментарии. Исследование. Под ред. Ю. Г. Алексеева. Псков, 1997 (далее – ПСГ). С. 47.

³¹ Колосова И. О. А посадникам доложить господину Пскову на вече... // Археологи рассказывают о древнем Пскове. Псков, 1992. С. 89–98.

³² Вовин А. А. К вопросу о княжеской власти... С. 103–114.

вич во Изборск Якова Домашинича»³³. Значит, в то время как в Пскове не было ни князей, ни посадников (все были с войском, один из них погиб), псковичи, тем не менее, самостоятельно выработали столь важное решение.

Подобные коллизии встречаются в псковском летописании неоднократно. Так, еще один сюжет относится уже к 1509–1510 гг. Он помещен в «Повести о псковском взятии». Согласно П1, псковичи послали в Новгород, где в тот момент находился великий князь, посольство, про состав которого сказано: «...девять посадников и купецкие старосты всех рядов»³⁴. Кроме того, еще раньше к великому князю в Новгород уже поехали псковские посадники Юрий и Леонтий с тяжбой друг против друга. Однако Василий III не дает им «управу» и «требует копиться жалобным людям на Крещение»³⁵. В дальнейшем, по всей видимости, или первоначальный состав посольства был расширен, или же формулировка «девять посадников и купецкие старосты» носила иллюстративный, а не исчерпывающий характер. В окончательном варианте к посольству московские бояре обращаются уже таким образом: «посадники псковские, и бояре, и жалобные люди». По прибытии на двор к великому князю «посадников и бояр и купцов отвели в палату, а младшие люди во дворе стояли». Затем московские бояре задержали тех, кто в палате, а «младших людей» распределили на постой к новгородцам. Когда весть об этом достигла Пскова, псковичи собрались на вече. Прежде всего, они сетуют на то, что «посадники и бояре и лутчие люди все у него»³⁶.

По всей видимости, вся, или, по крайней мере, большая часть псковской элиты, была в этот момент действительно в плену у Василия III. Псковичи, тем не менее, «ставят вече» и решают послать к великому князю еще одного посла – сотского Евстафья. Направляя посланником сотского, псковичи, очевидно, делали посольство к великому князю, особенно если сравнивать со всеми предыдущими (в состав которых неизменно входило несколько посадников), недостаточно представительным. Такой выбор, по всей видимости, был обусловлен отсутствием других более подходящих кандидатур, так как все «лутчие люди» были в плену. То есть политические решения могли приниматься и без участия посадников или других магистратов.

Примерами самостоятельной деятельности псковичей, происшедшей без участия, по крайней мере, посадников, стоит признать и известные нам случаи «вечевого» суда. Вопрос о существовании «вечевого» суда имеет давнюю историю, связанную с трактовкой 3-й статьи ПСГ: «Посаднику... без исправы человека не погубити ни на суду на вечи»³⁷.

³³ ПЛ. Вып. I. С. 12, 20.

³⁴ ПЛ. Вып. I. С. 93.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ ПСГ. С. 37.

Трактовка этой статьи ПСГ неоднозначна. И. Е. Энгельман³⁸ понимал это как «ни на суду, ни на вече». Здесь он видел противоречие со следующей статьей (статья 4: «А князь и посадник на вече суду не судять, судити им оу князя не сенех»³⁹), в которой, по его мнению, запрещался суд на вече как таковой. Отсюда исследователь делал вывод о разном времени создания этих статей. В. О. Ключевский также понимал этот отрывок как «ни на суду ни на вече». По его мнению, «погубить на суду» значило выдвинуть несправедливое обвинение в преступлении, а «погубить на вече» означало «политически очернить». Л. В. Черепнин и А. И. Яковлев понимали этот отрывок, скорее, как «на суду на вече», приводя в качестве доказательств известные нам по летописям случаи такого суда⁴⁰. Ю. Г. Алексеев считал, что формулировка статьи 3 ПСГ завершала текст клятвы посадника при вступлении того в должность⁴¹. Исследователь прямо не комментировал этот отрывок, однако далее он пояснял начало статьи 4 как запрет на вечевой суд вообще и выразил сомнение в том, что тот когда-либо существовал⁴². Мы склонны согласиться с трактовкой Л. В. Черепнина и А. И. Яковлева, так как такое понимание более согласуется с нормой 4-й статьи, гласящей: «А князь и посадник на вече суду не судять, судити им на оу князя на сених...»⁴³. Буквально эта статья лишь устанавливала запрет посаднику судить суд на вече, но нет никаких оснований утверждать, что она запрещала такой суд в принципе или участие в нем посадника как частного лица. В этом свете мнение Ю. Г. Алексеева считавшего, что статья 4 отменяет вечевой суд, представляется недостаточно обоснованным. Такое мнение идет вразрез и с зафиксированной статьей 108 нормой, которой как раз закрепляется право псковичей изменять содержание ПСГ и устанавливается отчетность посадника перед «господином Псковом».

Рассмотрим известные нам по летописям случаи «вечевого» суда, которые хронологически следуют за верхней возможной датировкой ПСГ, якобы запрещавшей такой суд. Первый такой случай – это уже разбиравшееся выше (Глава I, § 1.2.) известие П1 о казни в 1483 г. посадника Гавриила: «...посадника Гавриила оубиша, а оубиша его всем Псковом на вече»⁴⁴. Имеющаяся в нейтральном пересказе П1 формула «всем Псковом на вече» подчеркивает легитимность казни, в то время как П2 казнь Гавриила упоминает вскользь без добавления формулы «всем Псковом на вече». Не так важно, была ли на самом деле казнь Гавриила легитимной или это была спонтанная расправа. Важно то, что

³⁸ Энгельман И. Е. Систематическое изложение гражданских законов, содержащихся в Псковской Судной грамоте. СПб., 1855 С. 99.

³⁹ ПСГ. С. 37.

⁴⁰ Черепнин Л. В., Яковлев А. И. Псковская Судная грамота. (Новый перевод и комментарий) // Исторические записки. 1940. Т. 6. С. 263–297.

⁴¹ Алексеев Ю. Г. Псковская Судная Грамота. Текст. Комментарии. Исследование. Псков, 1997. С. 58.

⁴² Там же. С. 59.

⁴³ ПСГ. С. 37.

⁴⁴ ПЛ I. С. 84.

автор или заказчик П1, вероятно, понимал, что казнь «всем Псковом на вече» легитимна, а без формулы «всем Псковом на вече» известие «посадника Гавриила убиша» будет выглядеть бессудной расправой.

Описание другого случая «вечевого» суда имеется в известии П1 за 1509 г., когда «поимали понамаря Троицкого Ивана, а он из ларев деньги имал, да той гибели доспел 400 рублей, и псковичи его на вечи казнили кнутъем, и он сказался, и псковичи посадили его на крепость, да того же лета по Троицыне дни оу первую неделю, в само заговение на Великой реки огнем сожгли его»⁴⁵. Этот случай мы уж никак не можем назвать бессудной расправой толпы. На вече происходило именно судебное разбирательство с дознанием (пыткой). После признания обвиняемого он был заключен под стражу, а собственно казнь произошла позже.

К этому случаю примыкает еще один, где ни «весь Псков», ни «вече» прямо не упоминаются, но схожесть кары заставляет предположить, что речь опять-таки идет о «вечевом» суде. В 1496 г. случился пожар «на Крому», о котором сказано: «А зажег Чюхно, закратчися, а послаша его немцы зажечь и посулиша емоу даров много, и поспешением святыя троица изымаша его на Кромоу и сожгоша его огнем, месяца апреля в 12 день»⁴⁶. Упоминание такой даты и весь строй фразы заставляет думать, что казнь свершилась не сразу, а спустя некоторое время, как и в случае с казнью понамаря Ивана.

Что общего во всех рассмотренных случаях псковского вечевого суда? Они все относятся к разбирательствам по поводу наиболее тяжких преступлений, караемых согласно статье 7 ПСГ смертью: «А крим(с)кому татю и коневому и переветнику и зажигалнику тем живота не дати»⁴⁷.

Преступление посадника Гавриила – «перевет», не в смысле внешнеполитической измены, а в смысле измены внутренней, покушения на устои Пскова. Они вместе с князем Ярославом «грамоту новую списали да в ларь вложили на сених... а Псков того не ведает»⁴⁸. Это и послужило катализатором «брани о смердах». Подмена высшими должностными лицами грамоты, возможно, как предположил Л. В. Черепнин, не просто грамоты, а самой «псковской пошрины»⁴⁹, естественно была в глазах псковичей изменой. Троицкий пономарь Иван совершил кражу в Кроме, а неизвестный «Чюхно» совершил поджог, за что они и поплатились жизнью в полном соответствии с нормой статьи 7 ПСГ. В первых двух случаях их судил суд «на вече», в последнем, вероятно, тоже. Случаев смертной казни по приговору господы, т. е. совместного суда князя и степенных посадников, мы не знаем. То есть право карать смертью

⁴⁵ ПЛ. Вып. I. С. 92.

⁴⁶ ПЛ. Вып. I. С. 82.

⁴⁷ ПСГ. С. 37.

⁴⁸ ПЛ. Вып. I. С. 92.

⁴⁹ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV вв. Ч. 1. М.: Л., 1948. С. 408–436.

было только у собрания горожан, а не у господы, тяжкие преступления оставались в юрисдикции «всего Пскова», а не княжеско-посадничего суда «на сених». Но возникает вопрос, как же тогда объяснить отсутствие упоминания «вечевого» суда в ПСГ?

Текст ПСГ открывается статьей о княжеском суде «Се суд княжий...». В ней перечисляются преступления, находящиеся в юрисдикции княжеского (совместно с посадником) суда. Несомненно, согласимся с Ю. Г. Алексеевым, что князь в составе господы решал также дела об убийстве, разбое и пр.⁵⁰ Выглядит убедительным предложенное Ю. Г. Алексеевым (на основе наблюдения над использованием киновари) деление ПСГ на статьи, согласно которому обычно понимаемая как статья 2 (о суде наместника) на самом деле составляет с первой одно целое⁵¹. Тогда возникает вопрос: а какой еще суд мог быть, если не князя? Заметим, что в той же самой статье про суд наместника («ни судиям ни наместнику княжа суда не судити») упоминаются не две, а три возможных судебных инстанции. Кто же такие «судьи», и что находилось в их юрисдикции? Учитывая то, что суд «на вече» не был простой расправой толпы, а подразумевал определенное разбирательство, и, принимая во внимание, что и князю и посаднику было запрещено в нем участвовать, логично предположить, что в вечевом суде должны были принимать участие какие-либо люди, ведущие само разбирательство. Это и были «судьи», а «весь Псков» выступал в роли коллегии присяжных, то есть выносил решение, подтверждающее или опровергающее приговор судьи (судей).

Псковские судьи известны нам и по летописям. Первое упоминание относится к 1443 г., когда «Федор посадник Патрикеевич и Прокопий судия ездisha в Ригу ко князю местеру миру кончати»⁵². Через два года тот же «Прокопий судия» поехал в качестве посланника уже к «князю свейскому Карлу»⁵³. В 1461 г. при заключении мира от Пскова целовали крест «Зиновий Михайлович и судии и соцькии»⁵⁴. В 1463 г. «судию Оданя Сидора» в битве «мечи иссекоша»⁵⁵, затем «князь псковский и посадники и вси мужи псковичи послаша посла Иоуду суконника и Василия судию Луковицу»⁵⁶. В тот же год «немцы прияли посла псковского Кондрата судию»⁵⁷. Наконец, в 1501 г. «псковичи послаша посла в Юрьев Олексея соудью»⁵⁸.

В приведенных выше примерах бросается, прежде всего, в глаза именование судей только по именам, без отчеств, что, вероятно, свидетельствует об их престолярном происхождении. Посадники и бояре в

⁵⁰ Алексеев Ю. Г. Псковская Судная грамота и ее время. Л., 1980. С. 42–119.

⁵¹ Там же. С. 6–7.

⁵² ПЛ. I. С. 46.

⁵³ ПЛ. I. С. 47.

⁵⁴ ПЛ. I. С. 60.

⁵⁵ ПЛ. I. С. 67.

⁵⁶ ПЛ. I. С. 68.

⁵⁷ ПЛ. I. С. 68.

⁵⁸ ПЛ. I. С. 85.

тексте П1 именуется в этот период, как правило, по имени-отчеству. При этом судьи выполняют самые важные функции – выступают в качестве послов, целуют крест при заключении мира с Новгородом.

Наблюдение о «народном» характере «судей» подтверждается и единственным их упоминанием в псковских актах. В качестве «послуха» в купчей на землю у «сельских смердов» (НПГ № 19) выступает «Мишко судья»⁵⁹. Думается, что человек, называемый «Мишко», вряд ли мог принадлежать к посадническому или боярскому роду. Косвенно об этом свидетельствует использование уменьшительной формы имени, которая вряд ли могла употребляться по отношению к представителю псковской элиты. Заметим, кроме того, что как правило, «послухами» в псковских грамотах выступали посадники или сотские. То есть когда, например, «жалуется Яков Голутинович» (ГВНП 333), обратим внимание на отчество, то «послух посадник Борис»⁶⁰, а когда земля покупается у смердов, то «послух Мишко судья» (НПГ № 19). Вероятно, статус сделки по покупке земли у смердов (НПГ № 19) был недостаточно высок, чтобы свидетелем был посадник, соответственно, им стал судья как представитель непривилегированного населения.

Когда в летописях появляется термин «судья»? Из приведенных выше примеров видно, что упоминания судей встречаются в период с середины 40-х до самого конца самостоятельности Пскова. Это было время наиболее ярких социальных конфликтов в псковском обществе, в том числе знаменитой «брани о смердах». Показательно, что именно в известиях за эти годы на страницах летописи упоминались «судьи», называемые по именам, которые зачастую выдают их неаристократическое происхождение. Причем заняты эти судьи были совсем не судейскими делами: они участвовали в посольствах, целовали крест при договоре с Новгородом от «всего Пскова». Поэтому можно предположить, что судьи – это представители низших слоев городской общины (применительно к периоду второй половины XV в. у нас уже нет сомнений в далеко зашедшем процессе ее социальной дифференциации), главной и изначальной функцией которых было проведение судебных процессов на вече, которые, как было показано, не носили характер спонтанной расправы, а существовали в рамках определенных процедур. Судьи были представителями «черных» и, возможно, «жизьных» людей, которые не могли получить доступ к высшим должностям в Пскове, занятым представителями патрициата. Однако как единственные представители городских низов и своеобразные народные трибуны они стали принимать участие в широкой политической деятельности тогда, когда социальные конфликты между верхами и низами уже были реальностью.

Таким образом, начальные статьи ПСГ стоит понимать не в духе запрета «вечевого» суда, а как разграничение судебных полномочий между «вечем» и княжеско-посадничей «господой». Такую двухчастную структуру судебной власти наглядно демонстрирует и летописное

⁵⁹ НПГ. С. 60.

⁶⁰ ГВНП. С. 318.

известие ПІ под 1495 г. об отказе священников выставлять воинов «с десяти сох человек конный» с церковной земли. Священники аргументировали свой отказ нормой Номоканона, но этот ответ не удовлетворил «посадников псковских и со псковичи» и они «оучали сильно деяти над священники, и лазили многажды на сени и в вече и опять оу вече влезли и хотели попов кнутом избесчестовать»⁶¹. «Сени» здесь, несомненно, упоминаются не случайно. ПСГ определяет место суда князя и посадника (господа) как «у князя на сенях»⁶². Точно так же правая грамота 1483 г. (ГВНП № 340) описывает тяжбу «на сенях»⁶³. Таким образом, летописное хождение «на сени и в вече и опять оу вече» нужно, по-видимому, понимать как метание между различными судебными органами, что объяснялось нечетким разграничением полномочий между ними. Такая нечеткость разграничения проистекала, прежде всего, из самого характера «псковской пошрины», которая во многом была фиксацией норм обычного права, не знавшего строгой юридической техники.

Думается, что может быть несколько объяснений отсутствия упоминаний «вечевого» суда в ПСГ.

Во-первых, выше было сказано, что начальные главы ПСГ не запрещают «вечевой» суд, а вводят разграничение юрисдикций. Можно внести уточнение. Фраза «ни судьям, ни наместнику княжего суда не пересуживать», как кажется, носит защитительный по отношению к «княжему суду» характер. То есть подразумевается, что такое «пересуживание» происходило раньше, и это отныне воспрещалось. Более того, первая статья «се суд княжий» может пониматься точно так же: княжеский суд вводится, и формализуются место («на сенях») и условия («с посадником») его проведения, указываются конкретные преступления, находящиеся в его юрисдикции, и, соответственно, «псковичам» в лице «судий» запрещается в него вмешиваться. Разумеется, вышесказанное не означает, что до того княжеский суд отсутствовал как таковой. Суд, несомненно, был одной из прерогатив княжеской власти на Руси, однако, учитывая то, с какой легкостью псковичи князей изгоняли, вряд ли мы можем усомниться, что собрание псковичей могло легко отменять и его судебные решения.

Во-вторых, «вечевой» суд именно как вечевой в ПСГ и не мог быть упомянут. Сам этот термин «вече» был для Пскова чуждым вероятно заимствованным из Новгорода только в XV в. Слово «вече» использовалось практически только в форме локатива или модуса действия⁶⁴. Таким образом, понятия «суд веча» или «вечевого суд» в Пскове времени ПСГ просто не могло еще возникнуть.

В-третьих, наконец, уместно вспомнить гипотезу Л. В. Черепнина⁶⁵ о характере дошедших до нас списков ПСГ. Исследователь предпо-

⁶¹ ПЛ. Вып. I. С. 81.

⁶² ПСГ. С. 37.

⁶³ ГВНП. С. 326.

⁶⁴ *Вовин А. А.* Датировка жалованной грамоты... С. 75–82.

⁶⁵ *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы... С. 408–448.

ложил, что в Воронцовском списке ПСГ мы имеем дело не с самой «псковской пошлиной», а с ее московской редакцией, что подразумевает возможность того, что список не полон. Московский редактор мог отразить в Воронцовском списке по тем или иным причинам не все, а лишь некоторые статьи «псковской пошлины». Таким образом, нельзя исключать того, что в протографе Воронцовского списка была статья «Се суд Пскова...», предшествующая статье о преступлениях, караемых смертью, которые, как мы видели, и находились в ведение такого суда.

Таким образом, приходим к выводу, что в Пскове во второй половине XV века существовало две светские судебные инстанции (кроме них был еще суд владычных наместников): «господа», в состав которой входил князь, степенные посадники и сотские, и суд Пскова, который в силу традиции, но не употребления в источниках, можно назвать «вечевым». Последний судил самые серьезные преступления против Пскова, караемые смертью. Это вообще показательный момент. Получается, что лишить жизни псковича могли только все псковичи, но не суд князя, посадников и сотских.

Учитывая то, что именно совокупность псковичей являлась носителем власти на символическом уровне, реально обладала законотворческой инициативой и судебной властью, от ее лица заключались договоры, и она могла, как показано выше, принимать самостоятельные решения, мы можем заключить, что «весь Псков» обладал политической волей и сам по себе без участия не только посадников, но и вообще без «лучших людей».

Таким образом, мы, с одной стороны, видим определенную самостоятельность псковичей в принятии решений, а с другой – то, что боярская олигархия, которую В. Л. Янин считал главной действующей силой новгородской политики, находилась в Пскове в зачаточном состоянии⁶⁶.

Последнее утверждение имеет временное ограничение. В XIV в. псковичи были еще относительно однородны. В XV веке, особенно во второй его половине, когда произошла социальная дифференциация населения, появилась элита, влиявшая на принятие решений, не лишая, впрочем, низшие слои участия в этом, поскольку на всем протяжении рассматриваемого периода 1308–1510 гг. главным носителем власти в Пскове оставалась совокупность всех «мужей псковичей» – «весь Псков».

Поэтому важно определить, кто же скрывается под определением «мужи псковичи». Нужно ли считать таковыми только жителей собственно Пскова, или же имеются в виду все люди Псковской земли? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся, прежде всего, к ПСГ, в которой встречается наименование «псковитин», относящиеся именно к жителю Пскова, причем в контексте, подразумевающим противопоставление его жителю пригорода или волости. В статье 34 читается: «А у которого псковитина оу какова оучинится татба в Пскове или на пригороди, или

⁶⁶ См. подробнее: *Вовин А. А.* Посадничество в Пскове...

в селе на волости <...> а псковитину из волости во Пскове на вольную роту не взяти...»⁶⁷. Статья 35 гласит: «...також и пригорожане и селянин псковитин на пригороде или на тору не звати, вести ему к роте псковитину где татба учинилася»⁶⁸.

Ю. Г. Алексеев предположил, что статьи 34–35 закрепляют за «псковитином» защиту от коллективной присяги сельской общины⁶⁹. Речь идет о противопоставлении «псковитина» жителям волости и псковских пригородов, выделении первого в особую категорию. Таким образом, ПСГ выделяла жителя Пскова в отдельную категорию людей, обладающих особыми правами. Схожую картину мы наблюдаем и в псковских актах. Так, в договорной грамоте литовского великого князя Казимира с Псковом читаем: «А скончал великий князь Казимир со всим Псковом, и со всеми пригороды Псковскими, и со всей волостью Псковской»⁷⁰. Как видим, для составителей договора Псков не был тождественен псковским пригородам и псковской волости, и последние упоминаются отдельно, хотя договор за них заключает Псков (псковичи). Нечто подобное, то есть заключение договора за всю Псковскую землю псковичами, мы наблюдаем и в договорной грамоте Пскова с Ливонским орденом (ГВНП № 347): «...посадникам Псковским степенным крест целовать и добрым людям псковским за все псковские пригороды и всю псковскую державу»⁷¹. Приведенные примеры показывают, что псковичи (Псков) имели право заключать договоры за всех прочих жителей Псковской земли.

Противопоставление «псковичей», с одной стороны, и «пригорожан» и «волощан», с другой, находит подтверждение и на летописном материале. В П1 под 1480 г. читаем: «Ино в то время князь псковский Василий Васильевич с посадники псковскими начаша совокуплятися с пригорожаны и волости; совокупишися псковичи с пригорожаны и всеми людьми»⁷².

Этот пример не единичен, подобное противопоставление прослеживается в летописании на всем протяжении XIV–XV вв. Более того, если «псковичами» называются жители Пскова, то разных «пригорожан» летопись называет по-другому: «изборяне» (Изборск), «вороначани» (Воронач), «кобылчане» (Кобылий) и пр. Под псковичами всегда подразумевались жители самого Пскова, а не его пригородов, над которыми он имел власть. Стоит согласиться с М. Х. Алешковским в том, что понятие «псковичи» не включало в себя даже жителей псковского посада – неукрепленной части города. При этом с ростом города и строительством новых поясов крепостных стен, бывшие «посажане»

⁶⁷ ПСГ. С. 40.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Алексеев Ю. Г. Псковская Судная Грамота. Текст. ... С. 66.

⁷⁰ ГВНП. С. 322.

⁷¹ Там же. С. 336.

⁷² ПЛ. Вып. I. С. 77.

становились «псковичами»⁷³. В пользу этого предположения говорит известие П1, повествующее о постройке стены 1465 г.: «...псковичи здумавши с посажаны и заложиха стену деревяную на Полонищи от Великой реки, от Покрова святых богородицы да до Пскове, а от Пскове, от Гремячей горы, около всего посада Запсковского, да до Леонтиева огорода и до Великой реки; а делаша посажаны сами своим и запасом»⁷⁴.

Здесь, помимо противопоставления «псковичей» и «посажан», особенно важна последняя фраза, показывающая, что строительство стены «посажане» производили своими силами. Очевидно, у них были какие-то стимулы. Вряд ли речь шла о чисто оборонительных функциях деревянной стены, которая уже через несколько лет была перестроена в каменную. Новая стена давала посажанам новый юридический статус, они из «посажан» переходили в категорию «мужей-псковичей», обладавших особыми правами и могущих участвовать в управлении Псковом. Данное летописное известие фиксирует один из этапов роста города, сопровождаемого увеличением числа его жителей, которые уже начинают именоваться отдельным обобщающим термином, который мы находим, в П2 и актах, – «гражданами»⁷⁵.

Каким образом и благодаря чему сложилась такая общность горожан, носителей политической власти, противопоставленных юридически жителям зависимых земель? Один из возможных ответов на этот вопрос уже дал А. Е. Мусин, убедительно показавший, что «политический народ» Пскова и его церковь не в узком смысле клира, а в более широком, т. е. совокупность прихожан, были единым целым. Псковичи, собиравшиеся на вече на площади перед собором св. Троицы, одновременно представляли собой паству этого собора, а корни их политического собрания, соответственно, лежали в воскресных собраниях прихожан⁷⁶.

Итак, главным носителем власти в Пскове на всем протяжении его самостоятельной истории был его политический народ – «мужи псковичи» или «весь Псков». Членами этой общины были только жители самого города Пскова. В дальнейшем именно проживание внутри городских стен Пскова было необходимым условием для принадлежности к «политическому народу». Даже жители псковского посада, не говоря уж о пригорожанах и сельских жителях, в него не входили. Несмотря на ставшую во второй половине XV в. реальностью социальную дифференциацию псковской общины и постепенную олигархизацию социально-политической жизни Пскова, совокупность горожан сохраняла доступ к ключевым рычагам управления городом и всей Псковской землей.

⁷³ Алешковский М. Х. Социальные основы сложения территории Пскова X–XVI вв. // Советская археология. 1978. № 2. С. 122.

⁷⁴ ПЛ. I. С. 72.

⁷⁵ ПЛ. Вып. II. С. 60; НПЛ. С. 53.

⁷⁶ Мусин А. Е. Церковь и горожане средневекового Пскова. СПб. 2010. С. 260–316.